

Станислав Ямалев

Вертикаль. Горизонт.

18+

Станислав Ямалиев

Вертикаль. Горизонт.

<https://litres.ru/74179413>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир мёртв. Но башни стоят. И за их стенами — кислотные ураганы, ультрафиолет, нефть, тритий и власть.

Артём «Ноль» — бывший людоед. Зоя «Тишина» — снайпер, потерявшая всё. Лена «Масло» — женщина, говорящая с машинами. Они не герои. Они — отряд, который идёт в рейд через ад Запретки. Их цель — освободить Вертикаль, захваченную тираном. Их валюта — Марка, обеспеченная пайком и тритием. Их оружие — автоматы, кредитное плечо и доверие.

Три «Каравана» выходят в мёртвые земли. Впереди — бои с мутантами, нефтяные промыслы, переговоры с чешуйниками и штурм реактора. Но самый опасный враг — тот, кто едет с тобой в одной машине. И Артёму придётся выбирать: долг или жизнь того, кого он поклялся защищать.

Продолжение культового дизельпанк-цикла «Вертикаль». Книга вторая. Броня, мазут, экономика, война. Для фанатов «Безумного Макса» и тёмных миров, где за всё платят кровью.

Станислав Ямалиев

Вертикаль. Горизонт.

ПРОЛОГ. ПРЕДПРИЯТИЕ «ГОРИЗОНТ»

Зал Совета

Воздух в Зале Совета был спёртым, несмотря на фильтры, — пять человек, запертые в круглой комнате уже третий час, способны выдышать любой кислород. Стены здесь были голыми — Архитектор не любил украшений, а новый режим ещё не придумал, чем их заменить. Единственным пятном цвета был герб Совета, выжженный на металлической двери: пять шестерён, сцепленных в кольцо, и реактор в центре.

Алексей сидел во главе стола, но не на председательском месте — формально он не председательствовал. Он был Хранителем, а Хранитель не правит. Он наблюдает. И сейчас он наблюдал за тем, как четверо Операторов пытаются разорвать друг друга на части — вежливо, с цифрами в руках, но от этого не менее яростно.

Оператор Логистики, сухой мужчина с въевшейся под ногти мазутной пылью, говорил первым. Он всегда говорил первым — логисты вообще не умели ждать.

— Сигнал подтверждён, — он разложил на столе карту Запретки, нарисованную на дублёной грибкоже. — Вторая Вертикаль. Расстояние — около трёхсот километров по прямой. Семь-восемь дней пути с учётом обходов болот и мёрт-

вых зон. Чешуйники подтверждают: там власть захватила та самая группа, которая ушла от нас после Падения.

— Женщина с планшетом, — уточнила Оператор Воды, полная женщина с усталыми глазами. Она не любила говорить «бывшие хозяева» или «новые узурпаторы» — предпочитала конкретику.

— Она самая, — подтвердил Логистика. — У неё около тридцати бойцов, автоматические турели, возможно, доступ к архиву местного Архитектора. Точных данных нет. Но выжившие, которые добрались до чешуйников, говорят о заложниках. Около трёхсот человек гражданского населения удерживаются на нижних уровнях.

— И мы должны их спасти, — резюмировала Оператор Пищи, молодая женщина с обветренным лицом. В прошлом — фермер, теперь — член Совета. — Это люди. Наши люди. Даже если они жили в другой башне.

— Должны, — согласился Логистика. — Но есть нюанс.

— Какой? — спросил Оператор Обороны. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и его единственный глаз (второй был закрыт старой повязкой) смотрел на коллег с выражением скептического терпения.

— Экспедиция стоит денег, — сказал Логистика и разложил перед собой металлические пластины — расчётные таблицы. — Топливо. Патроны. Запчасти. Пайки на десять человек на три недели. Плюс резерв на случай непредвиденных обстоятельств. Итого — примерно четыре тысячи Марок.

— У Совета есть резервный фонд, — заметила Оператор Пищи.

— Есть. Но если мы потратим его на экспедицию, нам нечем будет крыть дефицит в случае неурожая грибов. А в этом году, — он выразительно посмотрел на Пищу, — с грибами не очень.

Оператор Пищи поджала губы, но не ответила. Логистика был прав, и она это знала. УФ-лампы на фермах работали с перебоями, и урожай грибов был на двадцать процентов ниже плана.

— Я предлагаю другое, — продолжил Логистика и выложил на стол ещё одну пластину. — Предприятие «Горизонт». Акционерное общество с ограниченной ответственностью.

— Что? — переспросила Оператор Воды.

— Мы снаряжаем экспедицию не как благотворительную миссию, а как коммерческий проект. Совет вкладывает сорок процентов — оружие, топливо, пайки. Мой цех — ещё тридцать процентов: «Караван», запчасти, снаряжение. Оставшиеся тридцать процентов выставаем на свободный рынок — частные пайщики, кто хочет вложиться.

— Частные пайщики? — Оператор Обороны хмыкнул. — Ты хочешь, чтобы простые операторы вкладывали свои Марки в военную экспедицию?

— Именно. — Логистика не смутился. — Если мы побеждаем — а мы побеждаем — пайщики получают долю от

всего, что добудем во второй Вертикали. Технологии, архивы, металл. Плюс торговые преференции на пять лет. Это не благотворительность. Это инвестиция.

— Ты хочешь нажиться на освобождении, — тихо сказала Оператор Пищи.

— Я хочу, чтобы у освобождения был бюджет, — отрезал Логистика. — Благородство не заправляют в бак. Патроны не покупают на высокие идеалы. Хочешь спасти людей — найди деньги.

Повисла тишина. Алексей смотрел на стол и молчал.

— Я поддерживаю, — вдруг сказал Оператор Обороны. Все повернулись к нему. — Мне нужны бойцы в рейде, а не призраки. Если у каждого будет личный интерес — они будут драться лучше. Проверено.

— Личный интерес развращает, — возразила Оператор Воды.

— Голод развращает сильнее, — парировал Обороны. — Я видел, как люди ели друг друга при Архитекторе. И я видел, как люди дрались за пай при Падении. Те, у кого был интерес, выжили. Те, кто ждал благотворительности, — нет.

Алексей наконец поднял голову.

— А что скажет Оператор Реактора? — спросил он.

Оператор Реактора — огромный мужчина с реакторной чешуёй на шее — всё это время молчал. Он вообще говорил редко, но когда говорил — его слушали.

— Мы не вкладываем деньги, — сказал он. — У коммуны

нет Марок. Но нам нужен третий. Если во второй Вертикали есть реактор — мы получим топливо. Это наша доля.

— Значит, коммуна — за? — уточнил Алексей.

— Коммуна — за третий. Остальное нас не касается.

Логистика мысленно подсчитал голоса. Он, Обороны, Реактора — три из пяти. Большинство. Но он знал, что без согласия Воды и Пищи экспедиция увязнет в саботаже на этапе снабжения.

— Я предлагаю компромисс, — сказал он. — Предприятие создаётся, но с ограничениями. Первое: доля Совета не может быть продана или передана. Это гарантия, что экспедиция остаётся под контролем Вертикали, а не превращается в частную армию. Второе: все доходы от экспедиции проходят через Общий Фонд. Третье: освобождённая Вертикаль получает статус автономного узла Сети, а не колонии. Мы не захватываем. Мы освобождаем и предлагаем союз.

— А если они не захотят союза? — спросила Оператор Пищи.

— Тогда мы предлагаем торговый договор. Не хочешь дружить — торгуй. Это тоже работает.

Оператор Воды долго смотрела на карту. Потом вздохнула.

— Я голосую «за», — сказала она. — Но при одном условии. В отряд идёт представитель Хранителя. Кто-то, кто будет следить за тем, чтобы мы не превратились в мародёров.

— Оля, — сказал Алексей. — Она пойдёт.

— Принято.

Оператор Пищи молчала дольше всех. Она думала о грибах, которые не уродились. О пайках, которые придётся урезать. О людях, которые спросят с неё за дефицит. И о тех трёхстах заложниках во второй Вертикали.

— Я — «за», — сказала она. — Но пусть в протоколе запишут: если экспедиция вернётся с прибылью, пять процентов идёт на школьные пайки. Дети не должны голодать из-за наших амбиций.

— Записано, — кивнул Логистика.

Алексей обвёл взглядом пятерых Операторов. Усталые, злые, напуганные — каждый по-своему. Но они только что приняли решение, которое изменит судьбу двух Вертикалей. А может, и всего мира.

— Совет принял решение, — сказал он. — Предприятие «Горизонт» создаётся. Командиром назначается Артём, позывной Ноль. Кто хочет высказаться?

Оператор Обороны поднял руку.

— Да?

— Это не высказывание. Это вопрос. — Он посмотрел на Алексея. — Ты знаешь, кто такой Ноль. Ты знаешь, что половина Вертикали до сих пор считает его людоедом. Ты уверен?

— Уверен.

— Основания?

Алексей помолчал. Потом сказал:

— Я видел его в бою. Я видел, как он принимает решения. И я видел его глаза, когда он смотрит на детей. Он не людоед. Он — тот, кто выжил, чтобы спасти других.

— Красиво, — хмыкнул Обороны. — Но я не про красоту. Я про то, что если он провалится — это ударит по Совету.

— Если он провалится, — сказал Алексей, — это ударит по всем нам. Поэтому он не провалится.

Сборочный цех

Два дня спустя воздух в сборочном цехе пах ржавчиной, мазутом и разогретым металлом — запахом, который Лена называла «духи "Караван"». Она стояла, уперев руки в бока, и смотрела на машину так, как смотрят на любимого человека, который только что вышел из больницы: живой, но ещё слабый.

«Караван» занимал почти весь цех. Шестиколёсная бронированная машина на дизельном ходу, сваренная из листов корабельной стали, которую «крабы» добыли в Мёртвом Городе три года назад. По бортам — подтёки ржавчины, которые никто не счищал: ржавчина была как шрамы, каждый что-то значил. На крыше — турель с ГШ-6-30, шестиствольной «Мясорубкой», укутанной в промасленный брезент. На лобовом бронестекле — трещина, залитая самодельным клеем из грибной смолы.

Лена провела ладонью по колёсной арке. Металл был холодным и чуть шершавым.

— Ну что, деточка, — сказала она негромко, — погуляем напоследок?

За спиной заскрежетали ворота. Вошёл Артём — невысокий, жилистый, с серыми глазами, которые, казалось, никогда не мигали. На левом предплечье, там, где рукав комбинезона был закатан, виднелся шрам — неровный, белый, старый. Он сам себе вырезал эту татуировку: ноль. Пустота, из которой можно построить всё.

— Совет утвердил, — сказал он вместо приветствия.

Лена даже не обернулась.

— Я знаю. Мне Оператор Логистики ещё вчера шепнул. По дружбе. — Она фыркнула. — По дружбе, за которую я ему тормозные колодки меняла бесплатно. Сказал: «Готовь машину, Масло. Через трое суток выходите».

— Через двое.

— Тем более.

Артём подошёл ближе. Он не был высоким — Лена возвышалась над ним на полголовы, — но в нём чувствовалась тяжесть. Не физическая — другая. Такую тяжесть носят люди, которые в одиннадцать лет сделали выбор, после которого не спят по ночам.

— Ты можешь отказаться, — сказал он.

Лена наконец обернулась. Лицо у неё было круглое, с въевшейся в поры мазутной пылью, которую не брало никакое мыло. На шее — татуировка: шестерня и капля масла, символ пая.

— Отказаться? — переспросила она. — Я вложила в это двести Марок. Двести, Ноль. Это всё, что у меня есть. Если я откажусь — кому достанутся мои пай?

— Совету.

— Вот именно. А я не для того горбатилась, чтобы Совет на мои деньги новые фильтры купил. — Она хлопнула ладонью по броне. — Мы идём. Я иду. И деточка моя идёт. Вопрос только в том, кто ещё.

Артём достал из нагрудного кармана сложенный лист грибной бумаги — список отряда.

— Уже есть.

Лена выхватила список и пробежала глазами.

— Зоя... ну, это понятно. Без Тишины ты и шагу не сделаешь. Тимур... Молот — это хорошо, он парень крепкий. Костя, Гриша... эти двое что, в лотерею выиграли?

— Добровольцы.

— Ага. Идиоты, значит. — Она продолжала читать. — Марина... ну, хоть один нормальный человек. Илья... Филлин? Он же старый! Он ещё при Архитекторе в Запретку ходил!

— Он знает дорогу.

— Он знает дорогу, — передразнила Лена. — А вот это что? — её палец упёрся в последнюю строчку. — «Виктор Сергеевич, Корпус Знания». Это что за шутка?

— Это не шутка.

— Вершинник? Ты взял в отряд Вершинника?

— Он химик и биолог. Нам нужен специалист по мутациям.

— Нам нужен специалист по тому, чтобы не сдохнуть! А ты притащил человека, который, может, лично редактировал геном моей матери!

Артём молчал. Лена смотрела на него, сжимая бумагу в кулаке.

— Ты же сам понимаешь, — сказала она уже тише. — Ты сам из этих... из пострадавших. Ты больше всех должен его ненавидеть.

— Я никого не ненавижу, — ответил Артём ровно. — Ненависть не помогает выжить. Я проверял.

Лена хотела что-то сказать, но осадила себя. Она знала, что за этой фразой стоит. Тридцатый уровень. Мёртвые тела. И одиннадцатилетний мальчик, который резал мясо, чтобы накормить других детей. Ненависть действительно не помогала.

— Ладно, — сказала она. — Пусть едет. Но если он хоть раз посмотрит на меня своим профессорским взглядом, я его лично выкину из кабины. На полном ходу.

— Договорились.

У ворот

Сбор был назначен на шесть утра у грузовых ворот уровня ноль. Когда-то здесь был пересадочный узел — толпы людей сновали между платформами, сверяясь с рейтингами.

Теперь здесь было пусто и гулко, только капала вода с потолка да где-то вдалеке гудел реактор.

Первым пришёл Тимур. Он пришёл за час до срока — коммунары всегда приходят рано. Сел на ящик с патронами, положил на колени свой ДШК, разобранный и смазанный до блеска, и молча ждал. На его предплечьях, там, где комбинезон был коротковат, виднелась реакторная чешуя — серо-зелёные бляшки, поблёскивающие в свете ртутных ламп. Он не стеснялся их. Он заработал эту чешую потом и радиацией, и она была его броней.

Вторым пришёл Костя. Он прибежал, запыхавшись, с самодельным рюкзаком, из которого торчали провода и банки с химической смесью.

— Не опоздал? — выдохнул он. — Я думал, меня Марина не отпустит. Она мне вчера ногу штопала и сказала: «Если ты с этими швами полезешь в бой, я тебя сама добыю».

— Она права, — прогудел Тимур, не поднимая глаз от пулемёта.

— Да ладно! Швы — это ерунда. Вот у меня один раз был перелом, так я его изолентой замотал и ещё три километра шёл!

— Врёшь.

— Вру, — легко согласился Костя. — Но красиво же?

Подошли остальные. Гриша — долговязый, с торчащими ушами и книгой под мышкой. Марина — полная, усталая, с сумкой медикаментов через плечо. Илья — жилистый, лы-

сый, с бородой, в которой застряли крошки грибного хлеба. Он кивнул Артёму и сразу пошёл к машине проверять крепления — он никогда не тратил слов на то, что можно сделать руками.

Последней пришла Зоя. Она возникла из тени — как всегда, бесшумно. Артём не слышал шагов, только почувствовал движение воздуха. Она встала рядом и молча протянула ему термос.

— Чай, — сказала она. — Грибной. Пей.

— Я не хочу.

— А я не спрашиваю.

Он взял термос и сделал глоток. Чай был горячим и горьковатым. Зоя смотрела, как он пьёт, и в её прищуренных глазах было что-то, чего она никогда не говорила вслух.

— Спасибо, — сказал он, возвращая термос.

— Не за что. Просто не сдохни там.

— Постараюсь.

— Постарайся, — она впервые за утро чуть дрогнула уголком губ. — Тишина сказала.

Погрузка и паи

В семь ноль-ноль ворота цеха открылись, и вошла Оля. Она была не одна — за ней шагал человек в длинном брезентовом плаще с капюшоном. Когда он откинул капюшон, Лена тихо выругалась сквозь зубы.

Виктор Сергеевич выглядел именно так, как представля-

ла его Лена: высокий, сутулый, с длинными пальцами пианиста, в пластиковых очках с толстыми стёклами. Он был одет в стандартный комбинезон, но поверх него был повязан промасленный фартук с множеством карманов для проб и инструментов. На правой руке — старая кожаная перчатка, единственная вещь, оставшаяся от Вершины.

Он обвёл взглядом отряд, задержался на лице Тимура, на лице Кости, на лице Артёма.

— Здравствуйте, — сказал он негромко. Голос был интеллигентным, с мягкими интонациями, совершенно чуждыми этому цеху. — Я понимаю, что моё присутствие здесь вызывает вопросы. Я постараюсь быть полезным.

— Постарайся, — процедила Лена. — Очень постарайся. Костя пихнул Гришу локтём:

— Гляди, Профессор даже фартук надел. Почти как наш.

— Тише ты, — прошептал Гриша.

Оля шагнула вперёд, разряжая напряжение.

— Хранитель передаёт привет, — сказала она. — И вот это.

Она развернула свёрток. Внутри были нарукавные нашивки — круг с пятью шестернями и реактором в центре. Герб Совета Операторов.

— Каждому, — сказала Оля. — Как знак того, что вы идёте от имени Вертикали. Не как наёмники. Как солдаты.

Артём взял одну нашивку и прикрепил на рукав. Остальные последовали его примеру. Даже Лена, поворчав, приши-

ла нашивку кривым стежком.

Перед погрузкой к Артёму подошла Зоя. Она отвела его в сторону, за ящики с топливными канистрами.

— Ты видел пай? — спросила она вполголоса.

— Видел.

— Лена вложила всё. Костя занял у кооператива. Гриша отдал последние тридцать Марок. Профессор — сто пятьдесят.

— Я знаю.

— Они идут не только за свободой, командир. Они идут за деньгами.

— Я знаю.

— И это нормально. Но ты должен помнить: если мы не вернёмся, они потеряют всё. Буквально всё. Лена станет банкротом. Косте нечем будет отдавать долг. Гриша никогда не построит свою лабораторию.

— Ты хочешь сказать, что я должен вернуть их любой ценой?

— Нет. — Зоя посмотрела ему прямо в глаза. — Я хочу сказать, что ты должен помнить, кто чем рискует. И когда ты будешь принимать решение — там, в Запретке, когда счёт пойдёт на секунды, — ты должен знать, что стоит на кону. Не только жизни. Судьбы.

Артём молчал.

— Я запомню, — сказал он наконец.

— Вот и хорошо. А теперь пошли. Деточка Лены уже фыр-

чит — обижается, что мы копаемся.

Выезд

У ворот собралась небольшая толпа. Не парад, не митинг — просто люди с ближайших уровней пришли посмотреть. Кто-то махал, кто-то крестился старым жестом, забытым при Архитекторе и воскрешённым после Падения. Кто-то смотрел с надеждой, кто-то — с завистью: не каждый день увидишь, как десять смертников уходят за горизонт.

Алексей стоял у ворот. Он был без плаща, в простом комбинезоне, и если бы не короткая седина на висках и не взгляд — тяжёлый, знающий, — его можно было бы принять за обычного оператора. Он не стал говорить речь. Он просто подошёл к Артёму и пожал ему руку.

— Я знал, — сказал он негромко, так, чтобы слышал только Артём. — Ещё тогда, на тридцатом. Когда ты посмотрел на меня и сказал: «Это единственный способ не умереть». Я знал, что когда-нибудь ты поведёшь людей.

— Я не герой, Хранитель.

— Герои не говорят, что они герои. — Алексей отпустил его руку. — Иди. И возвращайся.

Артём кивнул. Он не умел говорить прощаний.

Позади Алексея стояла Аня. Ей было уже девятнадцать, но она всё ещё выглядела как та девочка с тридцатого уровня — разве что глаза стали другими. Сухими. Серьёзными. Она не подошла — просто смотрела. Артём встретился с ней

взглядом и едва заметно кивнул. Она кивнула в ответ.

«Караван» взревел дизелем. Гул наполнил цех, завибрировал в рёбрах, в зубах, в костях. Лена сидела за рычагами, пристегнувшись самодельным ремнём из старой покрышки. Рядом с ней в кабине разместились Артём и Илья. Остальные — в десантном отсеке, на жёстких скамьях, прижимая к себе оружие.

Ворота начали открываться.

Сначала в щель хлынул свет — серый, пыльный, неживой. Потом — запах. Кислота. Ржавчина. Ветер. Запах Запретки, который не спутаешь ни с чем.

— Ну, деточка, — прошептала Лена, — поехали.

«Караван» выполз из ворот, и колёса заскрежетали по спекшейся грязи. Перед ними, насколько хватало глаз, расстилалась Запретка: рыжая равнина, усеянная остовами машин и опорами рухнувших мостов. Небо было серым, с рыжими прожилками. Где-то вдали, на самом краю видимости, темнел силуэт Мёртвого Города.

Артём обернулся. Вертикаль уходила вверх, в серую мглу, — огромная, ржавая, живая. Там, внутри, остались Алексей, Совет, триста уровней людей, которые теперь жили без Архитектора.

Артём отвернулся и посмотрел вперёд.

— Курс? — спросила Лена.

— На горизонт.

— Поняла. Курс на горизонт.

«Караван» взревел и двинулся вперёд, в сердце Запретки.

Взгляд вслед

Тремя часами позже Алексей стоял у панорамного окна своей квартиры и смотрел на ту точку, где «Караван» исчез за горизонтом. Рядом стояла Матрёна — старая, ссутулившаяся, но всё ещё прямая, как арматурный прут.

— Ты знаешь, что они могут не вернуться, — сказала она.

— Знаю.

— И всё равно отправил.

— Я не отправлял. Они сами вызвались.

Матрёна покачала головой.

— Ты странный человек, Алексей. Ты дал людям свободу, а теперь смотришь, как они уходят умирать. Раньше за них решал Архитектор. Теперь они решают сами. И результат — те же смерти.

— Нет, — сказал Алексей. — Раньше они умирали, потому что им приказывали. Теперь — потому что они выбрали. Это разница.

Матрёна долго молчала.

— Может быть, — сказала она наконец. — Может быть.

За окном сгущались рыжие сумерки. «Караван» ушёл за горизонт. Где-то впереди его ждали Мёртвый Город, кислотные болота, клан чешуйников, заброшенная Вертикаль и — в конце пути — штурм вражеской башни.

Но пока они просто ехали. Десять человек в бронированной машине. И каждый вёз с собой не только оружие и пайку, но и пай — маленькую металлическую пластину, в которой были записаны их надежды, их долги и их вера в то, что возвращение возможно.

— Возвращайся, — тихо сказала Матрёна, глядя в окно.

Алексей не ответил. Он смотрел на горизонт, где только что скрылся «Караван», и думал о том, что где-то там, впереди, десять человек едут в неизвестность. И каждый из них верит, что он, Алексей, знает, что делает.

Интересно, что бы они сказали, если бы узнали, что он сам не знает.

Интересно, что бы они сказали, если бы узнали, что Хранитель иногда тоже боится.

Но этого он не скажет никому.

Даже Оле.

КОНЕЦ ПРОЛОГА

ГЛАВА 1. ДОРОГА ИЗ РЖАВЧИНЫ

Серый рассвет

«Караван» шёл через Запретку третий час, и мир за бронированными бортами не менялся — всё та же спекшаяся равнина цвета ржавчины, всё то же небо, затянутое серой пеленой с рыжими прожилками химических взвесей, всё тот же ветер, швыряющий в лобовое стекло пригоршни мелкой кислотной пыли. Стекло было старым, с трещиной-паутиной

в левом нижнем углу — память о рикошете во время прошлогоднего рейда, — и пыль оседала на нём тонким серым слоем, который дворники размазывали, а не счищали.

Лена вела машину. Она сидела за рычагами, подавшись вперёд, и её спина была прямой, как приклад винтовки. Она не пела, не разговаривала, не ругалась — а это, как успел заметить Артём за годы знакомства, было дурным знаком. Молчащая Лена означала Лену, которая думает. Думаящая Лена означала, что где-то в недрах машины происходит нечто, чего не должно происходить.

— Стучит, — сказала она наконец.

Голос был ровным, но Артём уловил в нём ту особую ноту, которую механики прибегают для разговора с деталями, решившими умереть раньше срока.

— Что именно? — спросил он, не отрываясь от карты.

— Левый передний редуктор. Не должен стучать. Я его позавчера перебирала, своими руками, каждую шестерёнку промазала, каждый подшипник проверила. — Она прислушалась, склонив голову к плечу, как врач, выслушивающий лёгкие пациента. — Дифференциал бы выл. Подшипник бы скрежетал. А это — тупой ритмичный стук. Как будто кто-то молоточком бьёт.

— Грязь?

— Грязь стучит по-другому. Это металл о металл.

Илья, сидевший в углу кабины, оторвался от бинокля. Его борода, седая и клочковатая, дрогнула.

— Надо остановиться, проверить, — сказал он.

— Нельзя, — ответил Артём. — Тени.

Слово повисло в воздухе. Лена бросила быстрый взгляд в зеркало заднего вида — там, за кормой, тянулся шлейф пыли, поднятой колёсами. А за шлейфом — что-то ещё. Тёмные точки, едва различимые в мареве. Они были там с расвета: четыре или пять фигур, идущих пешком. В Запретке никто не ходит пешком без крайней нужды.

— Может, отстали? — спросила Лена без надежды в голосе.

— Не отстали, — ответил Илья. — Держат дистанцию. Ждут.

— Чего?

— Темноты. Или поломки. Или и того и другого.

Дизель взревел чуть громче — Лена машинально прибавила оборотов, хотя и понимала, что от пеших преследователей не уйти: «Караван» был мощным, но тяжёлым, а Запретка не прощала спешки. Одна яма, один скрытый под коркой грязи провал — и машина ляжет на бок, беспомощная, как перевёрнутый жук.

— До Мёртвого Города дотянем? — спросил Артём.

— Дотянем, — сказала Лена. — Я её не для того собирала, чтобы она в первый же день развалилась. — Она погладила приборную панель. — Слышишь, деточка? Ты у меня дойдёшь. Даже если мне придётся тащить тебя на собственном горбу.

Артём развернул карту. Грибкожа была дублёной и жёсткой, линии маршрута нанесены углём — кривые, неровные, с пометками на полях, сделанными рукой Ильи. Мёртвый Город. Болото. Чешуйники. Мёртвый Ковчег. Дальше — белое пятно, и где-то в нём, на расстоянии вытянутой руки от неведомого, пряталась вторая Вертикаль.

Он смотрел на карту, а сам видел другое. Серые стены. Серые лица. И одиннадцатилетнего мальчика, который стоит перед толпой и ждёт приговора.

Воспоминания приходили без спроса — они всегда так делали.

Флешбек: Суд

Зал был огромным и гулким, как чрево мёртвого зверя. Раньше здесь был пересадочный узел — люди текли по платформам, сверяясь с рейтингами, спешили на уровни, не глядя друг на друга. Теперь здесь собралась толпа. Сотни лиц, сотни глаз, и все — на него.

Артём стоял в центре, на возвышении, которое когда-то было диспетчерским пультом. Ему было одиннадцать. Рядом, прижимаясь к его плечу, стояла Аня — младше на два года, тощая, с заплаканным лицом. Она плакала почти всё время с тех пор, как их вывели с тридцатого уровня. Не навзрыд — тихо, обречённо, как плачут дети, которые уже знают, что от слёз ничего не меняется. За ними, под охраной двух ополченцев с автоматами, жались ещё трое. Они не пла-

кали. Они смотрели в пол.

Толпа гудела.

— Людоеды!

— Смерть!

— Вышвырнуть в Запретку!

Голоса сливались в один сплошной рёв, и в этом рёве слов почти не было — только ненависть. Артём уже знал этот звук. На тридцатом уровне так выли ветры в заброшенных вентиляционных шахтах.

Вперёд вышла женщина. Невысокая, с лицом, изрезанным морщинами, как старая грибокожа, которую слишком часто сгибали. Матрёна. Артём тогда ещё не знал её имени. Он знал только, что эта женщина смотрит на него не так, как остальные. В её взгляде было что-то, чего он не встречал с тех пор, как умерла мать.

— Мы собрались здесь, чтобы судить этих детей, — сказала она, и рёв толпы осёкся, как отрезанный. Голос у неё был негромкий, но он долетел до каждого угла. — Они выжидали на тридцатом уровне. Там не было еды. Там были только мёртвые.

— Они ели мёртвых! — выкрикнул кто-то из первых рядов.

— Да. — Матрёна не отводила взгляда. — Они ели мёртвых, чтобы не умереть самим. Вы хотите наказать их за это?
— Смерть!

Артём почувствовал, как рука Ани дёрнулась в его ладо-

ни. Он сжал её крепче. Ему самому было страшно — так страшно, что внутренности сворачивались в ледяной ком, — но он не показывал. Он не имел права показывать. Если командир боится, отряд погибает. Эту истину он усвоил задолго до того, как узнал слово «командир».

Вперёд вышел человек. Высокий, с седыми висками и глазами, которые казались слишком старыми для его лица. От него исходило что-то странное — не угроза, не страх, не жалость. Что-то, чего Артём никогда не встречал у взрослых. Позже он понял: это была решимость.

— Мы не судим детей за то, что они сделали, чтобы выжить, — сказал человек. — Мы судим себя за то, что допустили это.

Толпа зароптала, но Алексей поднял руку, и ропот стих. Артём смотрел на него, не мигая. Он запоминал это лицо — на всякий случай. На тридцатом уровне полезно было запоминать лица тех, кто мог оказаться другом или врагом.

— Я предлагаю Совету принять закон, — продолжал Алексей. — О реабилитации несовершеннолетних, переживших катастрофу. Эти дети будут жить. Они будут учиться. Они станут гражданами.

— Они людоеды! — снова выкрикнул тот же голос из толпы.

Алексей повернулся на голос.

— Они — выжившие, — сказал он. — И если мы убьём их за это, мы ничем не лучше Архитектора.

Тишина. Долгая, звенящая. Потом кто-то — Артём не видел кто — начал хлопать. Медленно, неуверенно. К нему присоединился ещё один. И ещё. Аплодисменты были не радостными — вымученными, тяжёлыми. Но это было лучше, чем крики «Смерть!».

Артём стоял и смотрел на Алексея. Тёплое чувство — забытое, почти чужое — шевельнулось где-то в груди. Он не знал, как оно называется. Но Аня перестала плакать.

Тряска и тишина

— Уснул? — спросила Лена.

Артём моргнул. Кабина «Каравана» вернулась на место: рычаги, карта, серый свет в окне.

— Нет.

— Ага. А глаза закрыты. И лицо такое, будто тебя током ударило. Ты когда думаешь, командир, у тебя желваки ходят. Вот здесь. — Она ткнула пальцем в собственную челюсть.

— Я не думал. Я вспоминал.

— Это ещё хуже. — Лена наконец повернулась к нему. — Слушай, Ноль. Я тебя знаю три года. Ты никогда не вспоминаешь. Ты вообще живёшь так, как будто прошлого не существует.

— Оно существует. Просто я не позволяю ему мешать.

— А сейчас?

Артём помолчал.

— Сейчас — другое дело. Дорога длинная.

Лена кивнула и отвернулась к рычагам. Она была достаточно умна, чтобы не лезть дальше, и достаточно тактична, чтобы не показывать, что она понимает. За это он её и ценил. Ну, и за то, что она могла запустить двигатель, который отказались бы запускать даже его создатели.

— Редуктор перестал стучать, — сказала она вдруг.

— Это хорошо?

— Это подозрительно. — Она прислушалась. — Нет, правда перестал. Может, грязь отвалилась.

— Или подшипник окончательно умер.

— Не каркай. Ты не механик, ты не понимаешь. Машина — она как человек. Иногда ей просто нужно выговориться. Постучала — и хватит.

— Машина не человек, — тихо сказал Илья, не отрываясь от окна.

— Филин, я тебя уважаю, но заткнись.

Илья хмыкнул. Его борода дрогнула — это была улыбка. Редкая, как солнечный свет в Заплетке.

Привал у старого моста

К полудню они добрались до того, что когда-то было мостом. Три бетонные опоры торчали из кислотной грязи, как гнилые зубы великана. Пролёт обрушился — ржавые балки свисали вниз, и ветер раскачивал их с тихим скрипом. Река под мостом давно пересохла; теперь это было русло, заполненное спекшейся грязью, обломками машин и чем-то, что

могло быть костями, но проверять никто не хотел.

— Стоим, — скомандовал Артём. — Двадцать минут. Всем надеть фильтры — здесь пыль гуще.

«Караван» замер, и дизель перешёл на низкие обороты — глухой, вибрирующий рокот, от которого зудела подошва. Лена заглушила двигатель, и тишина обрушилась внезапно, как удар. В этой тишине стало слышно то, чего не было слышно за гулом мотора: далёкий скрип раскачиваемых ветром балок, шорох кислотной пыли по броне, собственное дыхание.

Артём открыл люк и первым спрыгнул на землю. Сапоги утонули в спекшейся грязи на пару сантиметров. Он повёл стволом автомата по дуге — привычка, въевшаяся в позвоночник.

— Зоя, Илья — периметр. Зоя — левый фланг, до опоры. Илья — правый, до русла. Остальным оставаться в машине до команды.

Зоя уже была снаружи — бесшумная, как всегда. Она двинулась к левой опоре моста короткими перебежками, пригибаясь, хотя укрываться было не за чем: равнина просматривалась на сотни метров. Илья пошёл вправо, к руслу, и его бородатая фигура растворилась в сером мареве быстрее, чем казалось возможным.

Артём ждал. Двигатель остывал, потрескивая. В наушнике — шипение, потом голос Зои:

— Левый фланг чисто. Видимость до горизонта.

Через несколько секунд — голос Ильи, сухой, как шорох наждака:

— Правый чисто. В русле кости. Старые.

— Принял, — ответил Артём и обернулся к машине. — Выходим. Костя, Гриша — наблюдаете за руслом. Тимур — на турель. Лена — осмотреть ходовую. Остальным размяться, но от машины не отходить.

Из десантного отсека посыпались люди. Костя и Гриша заняли позицию у края обрыва, глядя вниз, в пересохшее русло. Костя держал автомат, Гриша — бинокль, и его пальцы, сжимавшие окуляры, чуть подрагивали. Тимур молча забрался на крышу «Каравана» и встал за турель. Он не сел — стоял, положив руки на гашетки, и медленно водил стволом по горизонту.

Лена уже лежала под днищем. Из-под машины доносилась приглушённая ругань — она разговаривала с редуктором на том особом языке, который механики всего мира приберегают для самых интимных моментов.

Марина спустилась на землю, размяла затёкшие плечи, проверила сумку с медикаментами. Виктор Сергеевич вышел последним — он двигался медленнее остальных, и каждый его жест был осторожным, как будто он боялся что-то сломать. Он достал из кармана фартука стеклянную пробирку и принялся собирать образцы пыли.

Артём обошёл машину по кругу, проверяя сектора. Ничего. Только ветер. Только пыль. Только тишина — слишком

глубокая для места, где только что грохотал дизель.

— Чего такие напряжённые? — Костя попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Мы же просто стоим.

— Мы стоим в Запретке, — ответил Артём, не оборачиваясь. — Здесь не бывает «просто».

Костя хотел что-то ответить, но осёкся. Он посмотрел на русло, на кости, на серое небо. Улыбка сползла с его лица.

Через пять минут Зоя вернулась с левого фланга, Илья — с правого. Оба молча кивнули: чисто.

— Лена, — позвал Артём.

Из-под машины высунулась голова, перепачканная мазутом.

— Ну?

— Что с редуктором?

— Живой твой редуктор. Грязь была. Я же говорила — машине нужно выговориться.

— Ты говорила про подшипник.

— Подшипник — часть машины. Не умничай. — Она выбралась наружу и принялась вытирать руки о промасленную тряпку. — Ещё пять минут. Я хочу проверить крепления на правом заднем. Кажется, ослабли.

— Пять минут, — сказал Артём. — Потом выдвигаемся. Зоя, Илья — продолжайте наблюдение. Тени не отстали, и мне это не нравится.

— Мне тоже, — сказала Зоя и снова ушла к опоре.

Пока Лена затягивала крепления, а Тимур водил стволом

по горизонту, остальные использовали короткую передышку. Марина раздавала воду из фляги. Виктор Сергеевич, закончив с пробами, присел на подножку и что-то записывал в полевой журнал. Его пластиковые очки сползли на кончик носа.

— Профессор, — окликнула его Марина, — вы воду пили?

— Простите? — он поднял голову.

— Воду. Пили. У вас губы потрескались.

— Ах да. Благодарю. — Он принял флягу и сделал осторожный глоток. — Знаете, Сестра, я всё думаю о тех микрочастицах, что обнаружил в пыли. Человеческая органика. Очень старая. Кто-то умер здесь. Много кто-то.

— Здесь везде кто-то умер, — сказала Марина.

— Вы правы. Но я нахожу утешение в том, что мы пока живы. Это, согласитесь, приятное отклонение от статистики. Марина невольно улыбнулась:

— Вы странный человек, Профессор.

— Мне это часто говорят. Обычно с меньшей теплотой.

Костя, скучавший у края обрыва, толкнул Гришу локтем:

— Смотри, Профессор почти шутит. Ещё немного — и он начнёт травить анекдоты.

— У него голос не для анекдотов, — тихо ответил Гриша.

— Слишком...

— Интеллигентный?

— Я хотел сказать «грустный».

Костя хмыкнул и ничего не ответил.

Через пять минут Лена доложила о готовности. Артём дал команду грузиться. Зоя и Илья вернулись с флангов — всё так же молча. Дизель взревел, и «Караван», качнувшись, двинулся дальше, в сторону Мёртвого Города.

Позади, в сером мареве, тени продолжали идти.

Флешбек: Имя

Три месяца после суда. Ясли цеха Реактора.

Артём сидел в углу общей комнаты, прижавшись спиной к холодной бетонной стене. Вокруг бегали, смеялись, играли другие дети — обычные дети, не знавшие, что такое голод. Они играли в «пятнашки» и «прятки», они спорили из-за игрушек, они плакали, разбив коленку. Артём смотрел на них и не понимал. Он сам не умел бегать просто так. Бег — это когда за тобой кто-то гонится. Смех — это когда ты нашёл еду. Игры... игр не было на тридцатом уровне.

К нему подошла женщина. Он уже знал её — Нина Петровна, воспитательница. Немолодая, с мягкими руками и тихим голосом. Она была работницей фильтрации, но после Падения ушла в ясли — сказала, что хочет растить новое поколение, а не чинить старые трубы.

— Почему ты не играешь? — спросила она, присаживаясь на корточки рядом с ним.

Артём пожал плечами.

— Не умею.

— Не умеешь играть?

— Не умею просто так.

Она долго смотрела на него. Потом села прямо на пол — не на корточки, а по-настоящему, как будто собиралась остаться здесь надолго.

— Знаешь, — сказала она, — мой Серёжа тоже не умел играть. Он работал у реактора с восьми лет. У него не было детства. И когда я смотрела на него, я видела маленького старика. А потом он погиб. При штурме сто пятидесятого уровня. Ему было шестнадцать.

Артём молчал. Он не знал, что отвечать на такие вещи. Он вообще не знал, что отвечать, когда взрослые говорили о смерти.

— Ты не людоед, — сказала Нина Петровна, и её голос стал жёстче. — Ты — выживший. И те, кто тебя так называет, просто не знают, через что ты прошёл. А я знаю. Мой сын тоже проходил через ад. Просто другой.

Она взяла его за руку. Её пальцы были тёплыми и шершавыми — руки человека, который много работал. Артём не привык, чтобы его трогали. Но руку не отдернул.

— Ты теперь здесь. И ты будешь жить. Не выживать — жить. Понял?

— Понял, — сказал он, хотя не до конца понимал разницу.

— Как тебя зовут?

— Артём.

— Красивое имя. Кто тебе его дал?

— Мама. До того, как умерла.

Нина Петровна кивнула, как будто ожидала этого ответа.

— Хорошо. Значит, будешь Артёмом. А не «людоедом», не «зверёнышем» и не «тридцатым». Ты — Артём. Запомни это.

Он запомнил.

Тени на горизонте

Привал закончился. Артём дал команду грузиться. Зоя и Илья вернулись с флангов — всё так же молча. Дизель взревел, и «Караван», качнувшись, двинулся дальше, в сторону Мёртвого Города.

Мёртвый Город вырастал на горизонте постепенно — сначала смутная тёмная полоса, потом отдельные вертикальные линии, бывшие небоскрёбы, потом целые кварталы руин, затянутых серой дымкой. Вблизи он, наверное, был ещё величественнее и страшнее.

Илья снова поднял бинокль — старый, с треснувшим левым окуляром, — и долго всматривался назад.

— Идут, — сказал он наконец.

— Сколько? — спросил Артём.

— Пять. Может, шесть. Пешком. Держат дистанцию. Точно за нами.

Лена выругалась сквозь зубы — длинно, смачно, с упоминанием Великого Дизеля и всех его поршней.

— Кто они? — спросила она.

Илья пожал плечами.

— Тихушники не преследуют. Они ждут в засаде. Ржавые обычно на машинах. Чешуйники — тоже.

— Тогда кто?

— Не знаю. Это меня и беспокоит.

Артём думал. Если это враг — лучше встретить его на своих условиях. Но останавливаться посреди равнины, подставляясь под возможную атаку с нескольких направлений, было глупо. Мёртвый Город давал укрытия — и давал возможности для засады. С тем же успехом — для тех, кто шёл сзади.

— Прибавим ход, — сказал он. — До Города попробуем оторваться. Там займём оборону.

— А если не оторвёмся? — спросила Лена.

— Тогда встретим их там, где выберем мы, а не они.

Лена кивнула и нажала на рычаг. Дизель взревел. «Караван» рванулся вперёд, разбрасывая колёсами комья спекшейся грязи.

Флешбек: Учитель

Артёму четырнадцать. Классная комната на уровне ноль — переоборудованный склад, где партами служили ящики из-под патронов. На стене — грифельная доска, на которой он мелом рисовал схему.

Учитель стоял у доски и смотрел на его работу. Высокий,

сутулый, с длинными пальцами. Пластиковые очки, старый комбинезон с нашивкой Корпуса Знания. Бывший Вершинник. Звали его Виктор Сергеевич. Артём тогда не знал, что через несколько лет они встретятся снова — в одном отряде, на одной машине, по одну сторону войны.

— Итак, Артём, — говорил учитель, постукивая пальцем по схеме. — Ты предложил план эвакуации с уровня минус четыре в случае аварии реактора. План интересный, я бы даже сказал, дерзкий. Но ты не учёл, что лифтовые шахты будут заблокированы первыми. Что ты будешь делать?

— Вентиляционные шахты, — ответил Артём.

— Вентиляционные шахты не рассчитаны на передвижение людей. Там могут быть завалы, споры, тихушники.

— Я знаю. Я проверял.

Учитель снял очки и долго тёр переносицу.

— Проверял, — повторил он. — Ты хочешь сказать, что залез в вентиляционную шахту и прополз по ней несколько уровней?

— От минус пятого до минус второго. Там узко, но можно. Завала нет. Спор нет. Тихушников нет.

— Ты мог погибнуть.

— Но не погиб.

Учитель надел очки и посмотрел на Артёма долгим взглядом, в котором смешались гордость, тревога и что-то ещё — может быть, воспоминание о себе самом, много лет назад.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он.

— Учитель.

— Я был Вершинником, Артём. Я работал в лаборатории генной коррекции. Я проектировал детей, которые должны были стать идеальными слугами Системы. Без эмпатии, без страха, без свободы воли. А теперь я учу тебя — ребёнка, которого Система должна была уничтожить. — Он помолчал. — Это называется иронией. Ты знаешь, что такое ирония?

— Это когда всё наоборот.

— Примерно.

Артём посмотрел на свою схему, потом на учителя.

— Если вы это делали, почему вы теперь здесь?

— Потому что я понял, что ошибался. — Виктор Сергеевич говорил тихо, но отчётливо. — Потому что, когда Архитектор пал, я увидел, что натворил. Потому что единственный способ исправить сделанное — это научить тех, кто выжил, не повторять моих ошибок. — Он вернулся к доске. — А теперь вернёмся к твоему плану. Вентиляция — это смело. Но смелость без расчёта — это глупость. Давай посчитаем время.

Сумерки над Мёртвым Городом

Мёртвый Город встретил их запахом старого бетона, ржавого железа и плесени. Улицы были завалены обломками — рухнувшие фасады, перевёрнутые машины, покорёженные дорожные знаки с выцветшими надписями, которые никто уже не мог прочесть. Асфальт потрескался, и в трещинах

росла та самая плесень, которую Виктор Сергеевич изучал в лаборатории: серо-зелёная, местами светящаяся в сгущающихся сумерках.

«Караван» замедлил ход. Лена вела его осторожно, лавируя между обломками. Фары выхватывали из темноты детали: витрину с мёртвыми манекенами, остов автобуса, в котором кто-то когда-то жил — на сиденьях лежали истлевшие одеяла, — детскую коляску, перевёрнутую и проржавевшую.

— Здесь кто-то был, — сказал Илья. — Недавно.

— Как узнал? — спросил Артём.

— Костёр. Вон там, в подворотне. Зола ещё тёплая.

Артём взгляделся. Действительно — кучка золы, несколько обглоданных костей. Не человеческих — мелких, возможно, крысиных.

— Кочевники?

— Может. Но кочевники обычно не жгут костры на открытом месте. Слишком заметно. Это либо новички, либо...

— Либо приманка, — закончил Артём.

Они двинулись дальше. Гараж, отмеченный на карте Ильи, нашёлся в трёх кварталах от въезда в Город — подземный, с широким пандусом, частично заваленным обломками. Лена выругалась, сдала назад, зашла с другой стороны, цепляя бортом ржавый остов легковушки. «Караван» втиснулся в проём с чудовищным скрежетом.

Внутри было темно и сыро. Колонны уходили вверх, в невидимый потолок. Пахло машинным маслом и бетонной

пылью. Когда-то здесь стояли автомобили — теперь только масляные пятна на полу да пара скелетов в углу, слишком старых, чтобы представлять опасность.

Артём первым вышел из машины и жестом остановил остальных.

— Сначала периметр. Зоя, Илья — вход и пандус. Тимур — перекрыть дальний угол. Костя, Гриша — свет. Остальным ждать.

Через несколько минут Зоя доложила: чисто. Илья подтвердил. Гараж был пуст, если не считать скелетов и эха.

— Разводите костёр, — сказал Артём. — Ночь будет долгой.

Костя развёл огонь из обломков старой мебели — стульев, которые рассыпались в труху от одного прикосновения. Пламя занялось неохотно, с дымом, но через несколько минут уже плясало на бетонном полу, отбрасывая пляшущие тени на колонны.

Марина разогрела пайки. Тимур чистил пулемёт, не обращая внимания на разговоры. Гриша читал книгу, пристроившись поближе к огню. Лена сидела на подножке «Каравана» и зашивала прореху на рукаве — иголка мелькала в свете костра.

Виктор Сергеевич сидел в стороне от костра, но не отдельно — так, чтобы быть частью круга, но не вторгаться в него. Это была его обычная тактика: присутствовать, не навязываясь. Он перелистывал полевой журнал и время от времени

что-то записывал огрызком карандаша.

Лена, покончив с шитьём, под села к нему.

— Профессор, можно вопрос?

— Разумеется. — Он поднял голову. Пламя костра отражалось в его пластиковых очках двумя оранжевыми точками.

— Вот ты говоришь — редактировал геномы. А зачем? Ну, реально зачем? Ты же умный человек. Ты не мог не понимать, что делаешь людей пустыми.

Виктор Сергеевич снял очки и протёр их краем фартука. Без очков его лицо казалось старше и беззащитнее.

— Знаете, Масло, я часто задаю себе этот вопрос. И у меня есть ответ. Он вам не понравится.

— А ты попробуй.

— Я верил. — Он надел очки. — Я верил, что чувства — это ошибка эволюции. Что сострадание мешает принимать рациональные решения. Что если убрать страх, боль и привязанности, люди станут эффективнее. Счастливее, если хотите. Я верил в это — и я ошибался. Но понял я это только тогда, когда Архитектор пал, а я посмотрел в глаза тем, кого редактировал.

— И что ты там увидел?

— Ничего, — тихо сказал Виктор Сергеевич. — Именно это и было страшно. Ничего.

Лена долго молчала. Потом хмыкнула и протянула ему флягу.

— Держи. Грибная брага. Паршивая, но согревает.

— Спасибо. — Он взял флягу и сделал осторожный глоток. Поморщился. — Действительно паршивая.

— Зато честная.

Виктор Сергеевич вернул флягу. Несколько секунд они сидели молча.

— Знаете, — сказал он вдруг, — когда меня включили в состав отряда, я полагал, что самым трудным будет... ну, скажем так, физический аспект. Тряска, холод, опасности. Но самым трудным оказалось другое.

— Что?

— Вы. Все вы. То, как вы смотрите на меня. И то, как вы пытаетесь не смотреть. — Он поправил очки. — Я не жалуюсь, поймите правильно. Я заслужил это. Но привыкнуть невозможно.

Лена посмотрела на него, потом на костёр, потом снова на него.

— Знаешь, что, Профессор? Ты мне всё ещё не нравишься. Но ты хотя бы честный. Это уже больше, чем я ожидала от Вершинника.

— Спасибо. Это, пожалуй, самый тёплый комплимент, который я получал за последние несколько лет.

— Не обольщайся.

— Я и не обольщаюсь.

Ночной разговор

Артём сидел у входа в гараж, прислонившись спиной к холодному бетону. Винтовка лежала на коленях. Он смотрел на улицу — тёмную, пустую, но не мёртвую. В руинах что-то жило. Что-то двигалось. Может быть, крысы. Может быть, нет.

Рядом бесшумно возникла Зоя.

— Не спишь, — сказала она. Это был не вопрос.

— Я сплю с открытыми глазами.

— Это не сон, командир. Это нервы.

Она села рядом — не близко, на расстоянии вытянутой руки. Автомат положила на колени, проверила предохранитель — чисто автоматически, как делала, наверное, тысячу раз.

— Там, в цехе, — сказала она, — ты спрашивал, почему я пошла.

— Я не спрашивал.

— Ты хотел спросить. Я видела.

Артём промолчал.

— Мой Серёжа, — сказала она. — Он тоже всё доказывал. Что не маленький. Что может в ополчение. В шестнадцать лет. Я ему говорила: не лезь, дурак, успеешь ещё повоевать. А он полез. И погиб. И я осталась одна. — Она помолчала, глядя в темноту. — А потом появился ты.

— Я не твой сын, Зоя.

— Я знаю. Ты не Серёжа. Ты — Ноль. Но когда я смотрю на тебя, я вижу то же самое. Как ты не спишь. Как ты всё ду-

маешь. Как ты боишься, но не показываешь. — Она повернулась к нему. В отблесках костра её шрам на щеке казался глубже, чем был. — Я не пытаюсь заменить его тобой. Я просто хочу, чтобы ты не сдох. Потому что если ты сдохнешь, я снова останусь одна. А я устала быть одна.

Артём смотрел в темноту. На улице ветер гнал по асфальту обрывок старой афиши.

— Я не сдохну, — сказал он.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Врёшь. Но хорошо врёшь. — Она встала. — Ладно. Я спать. Если эти твои тени появятся — буди. И не сиди до утра. Завтра тяжёлый день.

Она ушла в глубь гаража. Артём остался. Он смотрел на улицу и думал об Ане. О тридцатом уровне. О том, что где-то там, впереди, их ждёт вторая Вертикаль. И о том, что тени всё ещё шли за ними — он знал это, даже не оборачиваясь.

Флешбек: Аня

Девять лет прошло, а он всё ещё видел её лицо. Девочка с тридцатого уровня. Восемь лет. Тощая, с грязными волосами и заплаканными глазами.

Она держит нож — тот самый, которым они режут мясо. Руки дрожат.

— Я не могу, — говорит она. — Артём, я не могу.

— Можешь. — Он стоит рядом, но не помогает. Он зна-

ет: помогать нельзя. Если он поможет сейчас, она никогда не научится. И когда его не станет — а он знал, что когда-нибудь его не станет, — она умрёт. — Ты сильная. Ты должна.

— Почему я?

— Потому что кроме нас — никого.

Она режет. Плачет, но режет. Артём стоит и считает куски. Ему некогда плакать.

Когда Алексей спускается на тридцатый уровень, Аня прячется за его спину. Она думает, что их пришли убивать. Но их не убивают. Их спасают. И когда Артём обещает ей, что вернётся и покажет другой путь, она смотрит на него глазами, в которых ещё теплится вера.

Прошло девять лет. Аня работает в цехе Пищи. Она так и не научилась улыбаться. Но она научилась жить.

Перед отъездом она приходит к нему. Протягивает что-то, завернутое в тряпку. Он разворачивает — это фонарик. Старый, с треснувшим стеклом, но ещё работающий.

— Пусть он вернётся с тобой, — говорит она. — И ты вернись.

Он сжимает фонарик в руке. Он не умеет говорить прощаний. Он просто кивает.

В темноте гаража Артём достал фонарик и включил. Луч был слабым, жёлтым — батарейка почти села. Но он всё ещё работал.

— Вернусь, — сказал он тихо, в пустоту.

Снаружи, в руинах Мёртвого Города, что-то скрипнуло. Может быть, ветер. Может быть, нет.

Тени ждали.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ

ГЛАВА 2. МЁРТВЫЙ ГОРОД

Пробуждение

Артём открыл глаза за секунду до того, как Зоя коснулась его плеча. Он всегда просыпался раньше, чем кто-либо успевал к нему прикоснуться, — старая привычка, выросшая из тех времён, когда прикосновение означало не побудку, а нападение. Тридцатый уровень не учил спать. Он учил ждать.

— Светает, — сказала Зоя. — Тени ушли.

— Совсем?

— Отступили к дальним руинам. Илья следит.

Артём встал, разминая затёкшую спину. Ночлег в гараже не был комфортным — бетонный пол, продуваемый сквозняками, и запах старого машинного масла, — но они спали по очереди, и каждый получил свои четыре часа. Костёр давно прогорел, только угли ещё тлели под слоем пепла. В сером свете, сочившемся через пандус, гараж выглядел ещё более заброшенным, чем ночью: ржавые колонны, масляные пятна на полу, два скелета в углу, которые при дневном свете оказались не человеческими, а собачьими.

Отряд просыпался. Лена уже возилась у двигателя. Тимур молча складывал спальный мешок. Костя зевал, широко, до хруста в челюсти, и тряс головой.

— Кому-нибудь снилось что-нибудь приятное? — спросил он. — Мне снилась еда. Настоящая. Что-то хрустящее.

— Тебе снился хлеб, — сказал Гриша, протирая очки. — Ты во сне чавкал. Очень громко.

— Правда?

— Правда. Тимур просыпался и смотрел на тебя с осуждением.

— Тимур всегда смотрит с осуждением. Это его обычное выражение лица.

Тимур, не поднимая головы, прогудел:

— Я не осуждаю. Я оцениваю обстановку.

— И как?

— Обстановка хрустела.

Марина негромко рассмеялась. У неё был тихий, глубокий смех — смех человека, который давно разучился смеяться громко, но не разучился радоваться мелочам.

Артём обошёл гараж по периметру. Всё было так же, как ночью.

— Выдвигаемся через тридцать минут. Проверить оружие. Перекусить.

— И быть готовыми ко всему, — закончила за него Лена из-под капота. — Ко всему — это к чему конкретно?

— К тому, что тени ждали всю ночь. Теперь они знают, где мы. И они пойдут за нами.

Улицы Мёртвого Города

Мёртвый Город при свете дня был ещё страшнее, чем в сумерках. Ночью темнота скрадывала детали, оставляя простор воображению. Днём воображение было не нужно: детали лезли в глаза сами.

Улицы были завалены обломками — рухнувшие фасады, перевёрнутые автомобили, покорёженные дорожные знаки. Асфальт потрескался, и в трещинах росла та самая плесень — серо-зелёная, местами светящаяся даже при дневном свете. На перекрёстке громоздилась баррикада из ржавых машин — кто-то строил её очень давно.

«Караван» полз между обломками на минимальной скорости. Лена вела его, привстав с сиденья, чтобы лучше видеть дорогу.

— Здесь кто-то жил, — сказал Илья, не отрываясь от бинокля. — После Падения. Окно заколочено досками. Баррикада. Её строили не против машин — против людей.

— Оборона? — спросил Артём.

— Скорее, граница. Чья-то территория.

— Чья?

— Тех, кто не дошёл до Вертикалей. Тех, кто пытался выжить здесь. Не получилось.

На одном из зданий сохранилась вывеска: «Кофейня "Утренний свет"». Артём смотрел на неё и пытался представить, как это — сидеть у окна с чашкой горячего напитка и никуда не спешить. У него не получалось.

— Стоп, — сказал вдруг Илья.

Лена ударила по тормозам.

— Там. Движение.

Артём поднял бинокль. На перекрёстке, метрах в трёх-стах, что-то мелькнуло. Фигура. Человеческая?

— Зоя.

— Вижу. Одна цель. Медленная. Не тихушник.

— Кто?

— Не знаю. Но я могу её снять.

— Пока не надо. Лена — медленно вперёд. Остальным — боевая готовность.

«Караван» двинулся. Фигура появилась снова — ближе. Человек. Или то, что когда-то было человеком. Он шёл медленно, шатаясь. Одежда — лохмотья. Кожа — серая, с синеватым отливом.

— Тихушник?

— Нет. Тихушники не ходят так. Этот просто идёт.

Существо вышло на середину перекрёстка и остановилось. Подняло голову. Лицо — человеческое. Мужчина. Пожилой. Глаза открыты, но смотрят в никуда. Губы шевелились.

— Зовущий, — сказал Виктор Сергеевич по связи. — Люди, которые увидели Сад и не выдержали. Разум разрушен, тело живо. Транслирует образы. Споры вызывают галлюцинации.

— Опасен?

— Не физически. Психически.

— Обходим. Лена, направо, в переулок.

«Караван» свернул. Зовущий остался на перекрёстке, провожая их пустым взглядом. Артёму показалось, что он что-то сказал. Одно слово. Кажется, «Сад».

Флешбек: Первый бой

Ему семнадцать. Учебное отделение. Первый выход в Запретку.

Старая заправка на окраине Мёртвого Города. Сержант говорил — безопасное место. Он ошибался. Тихушники возникли из теней. Сержант упал, даже не вскрикнув. Шея сломана.

Артём не запаниковал. Внутри что-то переключилось — холодный механизм, который когда-то помог ему выжить на тридцатом уровне. Страх ушёл. Осталась ясность.

— Гранату!

Четыре секунды. Взрыв. Тихушников разбросало. Из темноты ползли новые — бесшумные, бледные, с немигающими глазами.

— Отходим! К машине!

Они вырвались. Не все — двоих оставили в руинах. Вечером командир роты подошёл к нему.

— Ты принял командование. Это был правильный выбор.

— Я просто делал то, что должен был.

— Нет. Ты делал то, что должен, но быстрее, чем любой другой. Ты не боишься.

Артём хотел сказать, что боится. Что боится постоянно — с одиннадцати лет. Но не сказал. Командир роты не спрашивал. Он констатировал.

— Из тебя выйдет толк. Если не сдохнешь.

Площадь и плевуны

К полудню «Караван» выбрался на центральную площадь. Когда-то — сердце мегаполиса. В центре — конная статуя, покрытая ржавчиной.

Лена остановила машину. Слишком тихо. Слишком открыто.

— Не нравится мне здесь, — сказала она.

— Мне тоже. Илья?

Илья уже изучал землю.

— Следы. Свежие. Много.

— Люди?

— Шире. И когти.

Из темноты полуразрушенного музея вышли плевуны.

Четверо. Студенистые тела, внутри — кислотные мешки. Двигались прыжками, разбрызгивая слизь. Пасти с костяными наростами, булькающий смех.

— Тимур!

Турель ожила. Очередь ГШ-6-30 вспорола воздух. Первый плевун разлетелся, разбрызгивая кислоту. Капли зашипели на броне «Каравана», оставляя дымящиеся отметины.

Второй прыгнул. Артём вскинул автомат — очередь попала в туловище, но не остановила. Тварь летела.

Выстрел. Одиночный. Точный. Плевун рухнул.

— Должна, — сказала Зоя по радию.

Третий и четвёртый развернулись и скрылись в темноте музея. Тимур дал очередь вдогонку. Тишина. Шипение кислоты на броне.

— Все целы?

— Жива. Но деточку мою испортили.

— Я не бледнел! — возмутился Костя. — Я просто задумался.

— О чём?

— О том, как сильно я не люблю плевунов.

Артём смотрел на следы, уходящие в музей. Их было больше, чем четыре пары. Гораздо больше.

— Здесь гнездо. Уходим.

«Караван» рванулся прочь.

Флешбек: Армия

Казарма. Вечер. Артём перематывал портянки. Рядом сидел парень из цеха Пищи — Костя, рыжий, с обгоревшими бровями.

— Слышь, Ноль. А правда, что ты... ну, это самое...

— Правда, — сказал Артём, не поднимая головы.

— Я не договорил.

— Ты хотел спросить, правда ли, что я людоед. Правда.

Костя замолчал. Артём ждал.

— И как? — спросил Костя.

— Что — как?

— Ну... на вкус.

Артём поднял голову. Костя не ухмылялся. Он смотрел серьёзно, даже слишком серьёзно.

— Никак. Это была еда. Когда ты голоден, ты не думаешь о вкусе. Ты думаешь о том, как дожить до завтра.

— Ясно. — Костя помолчал. — У нас на фермах была плесень. Ядовитая. Когда паёк задерживали, мы её варили. Три часа — и можно есть. Вкус отвратный, но жрать можно. Я тогда думал: вот бы меня кто-нибудь спас.

— Спасли?

— Ага. Алексей. Ну, не лично меня. Просто когда Архитектор пал и Совет начал нормально распределять пайки, мы перестали варить плесень. — Он хмыкнул. — Так что я тебя понимаю. Ну, не совсем. Но примерно.

Артём кивнул. С этого дня Костя сидел рядом с ним в столовой.

Склад

Они нашли его случайно.

«Караван» пробирался через промышленный район — лабиринт из ржавых цехов и поваленных кранов. Илья заметил следы шин — старые, почти стёртые, но читаемые. Кто-то пользовался этой дорогой. Причём регулярно.

Следы вели к длинному приземистому зданию без окон. Металлические ворота были закрыты, но не заварены — только заперты на ржавый засов. Рядом, на бетонной стене,

сохранилась табличка: «Склад цветных металлов № 4. Вход только по пропускам».

— Склад? — Лена приподняла бровь. — Здесь?

— Не просто склад, — сказал Илья, спрыгнув на землю. Он провёл пальцем по засову. — Смазка свежая. Кто-то здесь был. Недавно.

Артём жестом приказал всем занять позиции. Зоя ушла влево, к ржавому погрузчику — хорошая точка для стрельбы. Илья и Тимур — к воротам. Костя достал «хлопушку». Гриша прикрывал тыл.

— На счёт три, — сказал Артём. — Раз. Два. Три.

Засов лязгнул. Ворота поползли в стороны. Из темноты склада ударил выстрел — пуля визгнула о броню «Каравана» и ушла в потолок рикошетом. Вспышка осветила ящики, бочки, штабеля каких-то чушек.

— Контакт! — крикнул Артём, уходя в перекат.

Зоя выстрелила. Одиночный — сухой, как треск льда. Охранник, стоявший за ящиками у входа, рухнул, не успев вскрикнуть.

Из глубины склада ударили ещё двое. Автоматные очереди полоснули по проходу. Пули рикошетили от металлических стеллажей, визжали, выбивали искры. Артём прижался к бетонной колонне, чувствуя, как крошка сыплется за шиворот.

— Тимур, левый проход! Костя — гранату!

— Есть! — Костя рванул чеку и метнул «хлопушку» в тем-

ноту.

Взрыв. Крики. Дым.

Тимур прошёл левым проходом, поливая из ДШК. Грохот пулемёта в замкнутом пространстве был оглушительным. Артём двинулся по центру, перебегая от укрытия к укрытию. Зоя страховала сверху, с яруса стеллажей — она уже перебралась туда бесшумно, как всегда.

Последний охранник выскочил из-за штабеля медных чушек, вскидывая автомат. Артём опередил — три выстрела в грудь, и человек рухнул на пол, затихая.

— Чисто! — крикнула Зоя.

— Чисто! — подтвердил Тимур.

Артём опустил автомат. Сердце колотилось где-то в горле. В ушах звенело. Дым рассеивался.

— Все целы? — спросил он.

— Лена?

— Жива. Но броню ещё одну испортили. Это уже вторая за день, если ты считаешь.

— Костя?

— Цел!

— Марина, Гриша?

— Мы в порядке, — отозвалась Марина. — Гриша побледнел, но держится.

— Я не бледнел, — слабо возразил Гриша. — Это освещение.

Виктор Сергеевич, всё это время прятавшийся за ящиком

с реактивами, осторожно выглянул.

— Поразительная слаженность, — пробормотал он. — Я, признаться, ожидал худшего.

— Вы в нас сомневались, Профессор? — усмехнулась Лена.

— Я в себе сомневался. В вас — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.